M 86
589

И. Г. Айвазовъ.

Критическій обзоръ матеріалистическихъ теорій противъ субстанціальности души.

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-25077
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕИ

Печатня А.И.Снегиревой Москва.
1912.

ПЕЧАТНЯ А. СНЕГИРЕВОЙ
МОСКВА
ТРУДЪ
Остоженка, Савелов. п.
9128

МОСКОВСКІЙ ПУБЛИЧНЫЙ
XII-25077
И РУМЯНЦОВСКІЙ МУЗЕЙ

Отдѣльные оттиски изъ № 8 журнала „Голосъ Церкви“ за 1912 г.

2007057044

Критическій обзоръ матеріалистическихъ теорій противъ субстанціальности души.

Вопросъ о началѣ всего существующаго съ незапамятныхъ временъ занималъ философскую мысль человѣка и рѣшался ею далеко не одинаково. На обширномъ историческомъ полѣ философской мысли мы видимъ какъ бы три лагеря, изъ которыхъ два находятся въ постоянной враждѣ между собой, а третій представляетъ какъ бы соединеніе первыхъ двухъ. Первые два лагеря извѣстны въ философіи подъ названіями: матеріализма и идеализма, а третій можетъ быть названъ „дуализмомъ". Матеріализмъ въ рѣшеніи вопроса о началѣ всего существующаго пришелъ къ признанію таковымъ началомъ только *матеріи*, идеализмъ—только *духа*, а дуализмъ призналъ двѣ самостоятельныя субстанціи: матерію и духъ.

Въ данное время мы критически разсмотримъ возраженія собственно матеріалистовъ противъ субстанціальности души,—прослѣдимъ, насколько эти возраженія сами по себѣ вѣрны и достаточны ли они для преслѣдуемой ими цѣли; наконецъ, не противорѣчатъ ли они взгляду самихъ же матеріалистовъ на характеръ психической жизни человѣка и вполнѣ ли они объясняютъ признаваемое ими же разнообразіе ея.

Всѣ свои фактическія и эмпирическія данныя матеріализмъ черпаетъ изъ физіологіи, отъ развитія которой зависитъ и его процвѣтаніе. Вслѣдствіе этого мы будемъ имѣть дѣло большею частію со взглядами физіологовъ, обогатившихъ матеріализмъ доказательствами его основъ.

Матеріализмъ въ отрицаніи субстанціальности души прежде всего исходитъ изъ того положенія, что эта истина—

недоказуема. Но противъ этого можно было бы сослаться на свидѣтельства уже простого здраваго смысла, съ непобѣдимой силой заявляющаго, что, при самомъ радикальномъ измѣненіи организма, человѣкъ сознаетъ себя и признаетъ все тѣмъ-же существомъ, что и прежде. Это единство, или тожество сознанія наблюдается каждымъ, когда, при переходѣ отъ юности къ зрѣлости и старости, отъ цвѣтущаго здоровья къ дряхлости, онъ признаетъ себя неизмѣнившимся внутренно въ своемъ существѣ.—Все это не можетъ быть доказано путемъ эмпирическимъ и не можетъ имѣть абсолютной силы доказательства для анализирующаго и скептическаго ума, а тѣмъ—болѣе для тенденціознаго. Но если свидѣтельства здраваго смысла не могутъ имѣть силы абсолютной убѣдительности для матеріалиста, то приведенное матеріалистами возраженіе противъ субстанціальности души является несостоятельнымъ съ логической точки зрѣнія. Требованіе строгой и здравой логики таково: *„чего мы не знаемъ, или не можемъ доказать, того мы не можемъ ни признавать, ни тѣмъ—болѣе отвергать“*.—Если истина субстанціальности души не имѣетъ за собой абсолютной силы доказательства, то это не можетъ дать права матеріализму отвергать ее, иначе подобное отрицаніе будетъ вопіющимъ противорѣчіемъ самому главному и элементарному, указанному выше, требованію логики. До какой уродливости можно дойти, слѣдуя логическому принципу матеріализма, ясно показываетъ намъ противоположное ему ученіе—идеализмъ, который на такомъ-же логическомъ основаніи отрицаетъ самостоятельное бытіе матеріи, не смотря на полную очевидность этой истины.

Доказывать самостоятельность бытія матеріи идеалисту все равно, что доказывать самостоятельное бытіе духа матеріалисту, такъ какъ оба они составляютъ двѣ крайности, имѣющія за собой одинаковое основаніе: *„что я вполнѣ знаю, то только и есть“*. Съ этой точки зрѣнія и матеріалистъ и идеалистъ правы въ своихъ утвержденіяхъ, т. е., при признаніи истинности даннаго логическаго принципа, ни матеріалистъ не можетъ быть опровергнутъ идеалистомъ, ни наоборотъ; даже и рѣчи не можетъ быть о томъ, правъ-ли съ точки зрѣнія матеріалиста идеалистъ, коль скоро послѣдній выходитъ изъ того-же логическаго принципа, что и первый. Но такъ-какъ нельзя признать два совершенно противоположныя

2007057044

ученія объ одномъ и томъ-же предметѣ, т.-е. о началѣ всего существующаго, истинными, то, очевидно, что оба эти ученія своимъ взаимнымъ противорѣчіемъ уничтожаютъ другъ друга и такъ какъ они имѣютъ одинаковое основаніе, то ложь ихъ ученія сводится ко лжи ихъ основанія, т. е. ко лжи ихъ одинаковаго логическаго принципа и слѣдовательно: *„не все, что есть, я знаю“*, или—*„если я чего не знаю, то это не значитъ, что незнаемое и неизслѣдованное не существуетъ“*.

Отсюда ясно, что въ первомъ своемъ основаніи для отрицанія субстанціальности души матеріализмъ является вполнѣ несостоятельнымъ,—несостоятельнымъ какъ въ логическомъ своемъ принципѣ, такъ и въ осуществленіи этого принципа, когда на томъ-же логическомъ фундаментѣ возникло другое, совсѣмъ противоположное матеріализму ученіе—идеализмъ.

Далѣе, однимъ изъ главныхъ доказательствъ у матеріализма для отрицанія субстанціальности души служитъ очевидная для всякаго связь душевныхъ явленій съ физическими. На основаніи этой связи матеріализмъ утверждаетъ, что психическая жизнь человѣка—не что иное, какъ продуктъ дѣятельности его физическаго организма. Это общее у матеріалистовъ положеніе требовало, однако, разъясненія,—и вотъ по вопросамъ: какимъ образомъ и какое мѣсто въ организмѣ человѣка является сѣдалищемъ его психической жизни, чѣмъ обусловливается абсолютная зависимость духовной жизни отъ тѣлесной?—создалась громадная психофизическая литература.

Разсмотримъ же, какъ различные матеріалисты и физіологи опредѣляютъ въ организмѣ человѣка мѣсто, отъ котораго зависитъ вся психическая жизнь человѣка; какъ понимаютъ они эту зависимость и чѣмъ доказываютъ справедливость своихъ взглядовъ.

Прежде чѣмъ приступить къ детальному изложенію взглядовъ различныхъ матеріалистовъ и физіологовъ на данный вопросъ, не лишнее разобрать ихъ общее положеніе, по которому они, на основаніи постоянной связи психическихъ явленій съ тѣлесными, утверждаютъ полную зависимость души отъ тѣла. Данное общее положеніе матеріалистовъ подробнѣе можно представить такъ: „душевныя явленія существуютъ въ связи съ физическими и осуществляются только въ матеріи и чрезъ матерію. Мы и представить себѣ ихъ не можемъ

безъ матеріальной основы, безъ организма и нервной системы: они, повидимому, матеріальны и по отношенію къ силамъ матеріи стоятъ, какъ слѣдствіе къ своей причинѣ. Самый простой душевный актъ—ощущеніе есть движеніе въ нервной системѣ, вызванное внѣшнимъ двигателемъ и есть только это движеніе. Только эти движенія и существуютъ въ собственномъ смыслѣ, какъ душевныя. Если-же ощущенія, чувства и проч...—кажутся намъ чѣмъ-то особеннымъ, нематеріальнымъ, существующимъ только внутри насъ, то это обманъ, чистая иллюзія. Все это съ прекращеніемъ дѣятельности организма исчезаетъ безслѣдно и душа, какъ совокупность движеній мозга, съ прекращеніемъ этихъ движеній, исчезаетъ. Нѣтъ никакой души и что принято называть этимъ именемъ, то по существу своему призракъ, обманъ, хотя и необъяснимый въ своемъ происхожденіи; все это—отраженіе, тѣнь, спутникъ матеріальныхъ процессовъ дѣятельности матеріи".

Подобное заключеніе изъ наблюденій и опыта надъ физическими явленіями въ ихъ связи съ психическими могъ сдѣлать только матеріализмъ, оставаясь вѣрнымъ своему логическому принципу: *„чего я не знаю, того нѣтъ"*. Матеріалисту, какъ и каждому изъ насъ, очень ясно дѣйствіе тѣла на душу; это дѣйствіе провѣрено рядомъ опытовъ и наблюденій; объ этомъ-же говоритъ вся физіологія и этого никто не отрицаетъ, кто только признаетъ бытіе матеріи. Обратное-же дѣйствіе, т. е. дѣйствіе души на тѣло, не можетъ быть доказано путемъ эмпирическимъ и вообще не можетъ имѣть другого свидѣтельства своей истины, кромѣ свидѣтельства простого, здраваго смысла и внутренняго самонаблюденія. Эти-же послѣдніе свидѣтели до того ненадежны и прихотливы, что въ различные моменты могутъ показывать различное, особенно если ихъ показаніями будетъ пользоваться человѣкъ съ вполнѣ выработаннымъ характеромъ, желающій заставить свое внутреннее существо говорить такъ или иначе. Подобные опыты надъ своимъ внутреннимъ свидѣтелемъ могутъ довести до-того, что этотъ свидѣтель всегда будетъ говорить желаемое мною и я не буду замѣчать самообмана. Въ такомъ, сравнительно печальномъ по отношенію къ матеріи, положеніи находятся доказательства существованія души, какъ самостоятельнаго начала иной жизни. Только отрѣшенный отъ всякой тенденціозности и руководящійся своимъ

внутреннимъ сознаніемъ и здравымъ смысломъ можетъ вполнѣ убѣдиться въ самостоятельности бытія души.

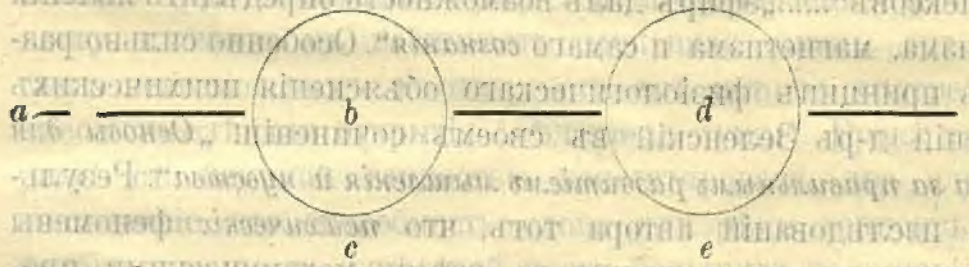
Отсюда, имѣющему указанный принципъ матеріализма вполнѣ естественно заключить, что существуетъ только воздѣйствіе тѣла на душу, или что только душа находится въ зависимости и притомъ полной отъ тѣла; что вся душевная жизнь—продуктъ различныхъ возбужденій нервной системы.

Насколько вѣрно подобное заключеніе—видно каждому, кто только отрѣшится отъ всякой тенденціозности и взглянетъ на дѣло прямо, при свѣтѣ своего здраваго смысла. Мнѣ кажется, что подобное заключеніе матеріалистовъ равносильно тому, какъ если-бы кто, видя какіе-либо отдаленные предметы при свѣтѣ луны и не видя ихъ во мракѣ, сталъ утверждать, что не только самый актъ видимости предметовъ зависитъ отъ луны, а и самые предметы—продуктъ дѣйствія луны—ея свѣта. Подобное утвержденіе, однако, мы находимъ у матеріалистовъ: явленія душевной жизни наблюдаются всегда въ связи съ физическими, т. е. при помощи послѣднихъ они замѣчаются, какъ замѣчаются ночью отдаленные предметы при свѣтѣ луны—это и только; больше никто не можетъ ничего сказать. Матеріалистъ-же, замѣчая только ту-же самую связь физическихъ явленій съ психическими, заключаетъ, слѣдуя своему принципу, что психическая жизнь—продуктъ, или необходимое слѣдствіе дѣятельности физической природы человѣка. Здѣсь, какъ и вездѣ, матеріализмъ пошелъ вопреки всякимъ логическимъ требованіямъ, сдѣлавъ заключеніе гораздо шире, чѣмъ дано въ посылкахъ. Вѣдь въ посылкахъ только сказано, что психическія явленія наблюдаются всегда въ связи съ физическими, а ужъ какимъ образомъ отсюда можно вывести о безусловной зависимости первыхъ явленій отъ послѣднихъ и почему не наоборотъ—это понятно только матеріализму, какъ обладателю очень своеобразной и весьма противорѣчащей здравому смыслу и опыту логикой: *„чего я не знаю и въ чемъ не могу вполнѣ убѣдиться, то не существуетъ“!*. Только съ такой логикой и можно было мучить Галилея и заковывать Колумба!—Такимъ образомъ ясно, что подобный выводъ матеріалистовъ, какъ сдѣланный путемъ метафизическимъ и непровѣренный опытомъ, который показалъ *только связь* психическихъ явленій съ физическими, ложенъ—и ложенъ со стороны логической,

такъ-какъ подобное утвержденіе можетъ повести къ самымъ нелѣпымъ выводамъ, вродѣ такого напр.: въ весьма разрѣженномъ воздухѣ наступаетъ тьма, а въ сгущенномъ—свѣтъ: слѣдовательно свѣтъ—функція воздуха,—но подобнаго абсурда никто не станетъ защищать, а слѣдовательно и указанный выводъ матеріализма, какъ такой-же абсурдъ, не только не можетъ быть утверждаемъ, но подобное утвержденіе будетъ вопіющимъ противорѣчіемъ здравой и строго-научной логикѣ. Между-тѣмъ, не смотря на такой видимый абсурдъ матеріалисты, а съ ними и большая часть физіологовъ, настаиваютъ на полной зависимости психической жизни отъ тѣлесной и стараются цѣлымъ рядомъ физіологическихъ опытовъ подтвердить свое заявленіе.

Такъ, еще въ XVIII в. знаменитый Англійскій физіологъ Толандъ въ своихъ: „Lettres to Serena“ (1704) и въ своемъ знаменитомъ „Пантеистиконѣ“ (1720 г.) смѣло объявилъ, что „мышленіе, какъ и все вообще въ мірѣ, есть только тѣлесное движеніе, привязанное къ міру матеріи“, что „оно есть чистый продуктъ мозговой дѣятельности“. Французскіе энциклопедисты особенно сильно развили эти идеи. Такъ Дени Дидро подробно изложилъ ихъ въ своихъ сочиненіяхъ: „L'intérpretation de la nature“ (1753 г.), „Sur la matière et la movement“ (1770 г.) и „Entretien entre d' Alembert et Diderot“ (1769 г.). Тѣ-же воззрѣнія развили: Кондильякъ (сенсуалистъ) и особенно женевецъ—Бонне. Бонне пытался объяснить *память* предположеніемъ, что она есть остановка движенія различныхъ нервныхъ волоконъ. Баронъ-Гольбахъ въ своемъ сочиненіи „Système de la nature“ (1770 г.), врачъ Де-ля-Метри въ своихъ трактатахъ: „Histoire naturelle de l'ame“ (1745 г.) и „L'homme machine“ (1746 г.), и врачи: Кабани и Брусса, основываясь на необъяснимости взаимодѣйствія между тѣломъ и душою при спиритуалистическомъ предположеніи, рѣшительно отвергли всякое различіе между тѣломъ и духомъ и отожествили мышленіе съ нервнымъ движеніемъ, считая его результатомъ дѣятельности нервной системы. Послѣдняя мысль особенно развита Кабани, который въ разъясненіи ея пришелъ къ заключенію, что „*мысль* есть такое-же отдѣленіе мозга, какъ желчь—отдѣленіе печени, а моча—почекъ“.—То-же мы видимъ въ Германіи. Всѣ корифеи новѣйшаго матеріализма, какъ-то: Фейербахъ, Молешоттъ, Фех-

неръ, Фогтъ, Бюхнеръ, Рейхъ—объявили, что *душевныя явленія* суть видоизмѣненія мозга: что „всѣ способности, которыя мы называемъ душевною дѣятельностью,—простыя функціи мозговой субстанціи“ (Фогтъ); что „мысль — движеніе или преобразованіе мозговой матеріи“ (Молешоттъ); что „мыслящій человѣкъ—только сумма своихъ чувствъ или родителей и кормилицы, мѣста и времени, воздуха и погоды, пищи и одежды, звука и свѣта“ (Молешоттъ). *Кюльбе* въ своемъ сочиненіи: „Die entstehung des selbstbewusztseins“ (1855 г.) первый сдѣлалъ попытку объяснить психическія явленія путемъ чисто-физіологическаго анализа, безъ опыта и наблюденія внутренняго. Такъ напр. онъ объяснилъ *самосознаніе*, какъ „возвращающееся къ самому себѣ направленіе внутренняго состоянія“, причемъ эта форма круговращенія самосознанія зависитъ отъ нервнаго движенія, или точнѣе отъ кругового перемѣщенія нервныхъ волоконъ. Въ зависимость отъ этого перемѣщенія нервныхъ волоконъ онъ ставитъ образованіе внутреннихъ представленій отъ чувственныхъ воспріятій, такъ-какъ воспріятія и представленія, по его мнѣнію, образуются не въ одномъ и томъ-же мѣстѣ нервной системы. Наглядное объясненіе этого перехода чувственныхъ воспріятій въ представленія онъ изображаетъ такъ:



„*a*“=клѣтчатая оболочка; остальное-же—*мозгъ* съ обозначеніемъ различныхъ пунктовъ его различными буквами: *b*, *c*, *d*, *e*.

Чувственное воспріятіе, или образъ изъ клѣтчатой оболочки „*a*“ переходитъ въ мозгъ и въ пунктѣ „*b*“ получаетъ то направленіе, которое называется *сознаніемъ*, но на этомъ не останавливается, а идетъ далѣе и въ пунктѣ „*C*“ снова выходитъ изъ *сознанія* и безсознательно идетъ до пункта „*E*“. На пути безсознательнаго движенія отъ пункта „*C*“ до „*E*“ образъ получаетъ механическія условія для возникновенія представленій о немъ, которыя, достигнувъ пункта *d*, являются сознательными и, по обратномъ выходѣ изъ „*d*“ въ „*E*“,

снова становятся безсознательными. Такъ образуются, по Кюльбе, изъ чувственныхъ воспріятій внутреннія представленія.

Таковъ взглядъ у иностранныхъ матеріалистовъ на психическую жизнь человѣка, какъ на продуктъ исключительно его физическаго организма.

Болѣе видными защитниками подобнаго-же взгляда на психическую жизнь человѣка у насъ—въ Россіи явились: проф. Сѣченовъ, проф. Соколовскій и д-ръ—Зеленскій. Сѣченовъ въ своемъ сочиненіи „*Рефлексы головного мозга*“ (1866—73 г.) старается подвести всѣ психическія явленія подъ типъ мозговыхъ рефлексовъ, т. е. бо́льшаго или меньшаго сокращенія различныхъ частей мускульной системы и, такимъ образомъ, считаетъ возможнымъ объяснить всѣ психическія явленія изъ одного только механическаго движенія въ нервахъ и мускулахъ, такъ какъ рефлексъ—актъ чисто-механическій. Проф. Соколовскій въ своей „*Рѣчи о психо-физіологическомъ процессѣ, въ примѣненіи къ дѣйствію сконворныхъ веществъ*“, говоритъ: „сознаніе и мысль принадлежатъ высшей организаціи, но развиваются въ видѣ особыхъ колебаній изъ общихъ въ природѣ движеній“. Въ другомъ мѣстѣ онъ выражается: „психическіе акты образуются путёмъ повторенія рефлексовъ“.....„эфиръ далъ возможность опредѣлить явленія химизма, магнетизма и самаго *сознанія*“. Особенно сильно развилъ принципъ физіологическаго объясненія психическихъ явленій д-ръ Зеленскій въ своемъ сочиненіи: „*Основы для ухода за правильнымъ развитіемъ мышленія и чувства*“. Результатъ изслѣдованій автора тотъ, что *психическіе* феномены въ сущности тожественны со всѣми механическими процессами, т. е. представляютъ собою ничто иное, какъ частичное (молекулярное) движеніе мозговой и нервной массы. Душевныя явленія суть только „мыслевыя тѣла“, или какъ онъ еще ихъ называетъ „интеллектуальныя формаціи“. Таковъ вкратцѣ взглядъ матеріалистовъ на психическую жизнь человѣка.

Теперь обратимся къ чисто-естествознательнымъ теоріямъ и посмотримъ, какъ онѣ смотрятъ и объясняютъ связь физическихъ явленій съ психическими.

Большинство представителей новѣйшаго естествознанія и собственно физіологіи во взглядѣ на психическую жизнь

человѣка примыкаютъ къ матеріалистамъ и утверждаютъ, что *мозгъ*—сѣдалище, или носитель психическихъ силъ.

Такъ, знаменитый Парижскій физіологъ—Флурансъ, дѣлая различные опыты надъ большимъ и малымъ мозгами, призналъ *большой мозгъ* носителемъ психической силы, а малый—регуляторомъ движеній человѣка и вообще животнаго. То-же говорятъ: Лонжé, Лейдесдорфъ, Штриккеръ и Гризингеръ. Вагнеръ сперва соглашался съ Флураномъ, но потомъ цѣлымъ рядомъ опытовъ доказалъ, что, и по снятіи большого мозга, остается цѣлый рядъ психическихъ явленій и что слѣдовательно они не зависятъ непремѣнно отъ большого мозга. Но, отрицая мнѣніе Флуранса и его послѣдователей, Вагнеръ не отрѣшился отъ матеріалистическаго взгляда на психическую жизнь человѣка и ея носителемъ призналъ не мозгъ, а *сѣрое вещество*, находящееся въ обоихъ полушаріяхъ большого мозга между его волокнами и покровами.

Знаменитый Вѣнскій физіологъ Карлъ Людвигъ признаетъ, что „*въ условіяхъ* душевныхъ явленій принадлежитъ, безъ сомнѣнія, *нормальное состояніе большого мозга*, такъ-какъ здѣсь сходятся всѣ первныя трубочки, служащія ощущенію и произволу, и сильныя поврежденія большого мозга уничтожаютъ душевную дѣятельность гораздо скорѣе, чѣмъ поврежденіе всякого другого органа".—Опредѣлить-же особенное мѣсто въ мозгу, въ которомъ возникаетъ душевная жизнь, онъ считаетъ невозможнымъ и отвергаетъ всѣ методы, употреблявшіеся доселѣ для открытія „сѣдалища души". Брока въ Парижѣ съ научной точностью констатировалъ два случая, показавшіе, что способность слова или рѣчи зависитъ отъ неповрежденности извѣстной части большихъ полушарій. Въ обоихъ случаяхъ были разрушены болѣзнью второй и третій лобные извивы лѣвыхъ полушарій и въ обоихъ случаяхъ слѣдствіемъ было то, что, при совершенно непомраченномъ разсудкѣ, свободной подвижности языка и другихъ органовъ рѣчи,—словомъ, при полномъ нормальномъ состояніи человѣка съ указаннымъ поврежденіемъ, способность говорить была потеряна. Вагнеръ подтвердилъ показанія Брока и съ своей стороны прибавилъ, что вслѣдствіе разрушенія Аммонова рога и его нижнихъ извивовъ, произошло постепенное ослабленіе памяти,—забвеніе болѣе близкаго и далѣе въ глубь прошлаго. Отсюда онъ заключаетъ, что *способность воспоми-*

нанія, столь важная въ духовной жизни человѣка, *привязана* также въ своемъ обнаруженіи *къ извѣстной части мозга*.

Нельзя обойти замѣчаніемъ теоріи Снелля, извѣстной подъ названіемъ „эквивалентности силъ“. Данная теорія объясняетъ существо психическихъ силъ и ихъ отношеніе къ тѣлеснымъ аналогіей съ такъ—называемой эквиваленціей силъ. Снелль находитъ близкую аналогію между дѣйствіями физическими, принадлежащими собственно организму, и дѣятельностями собственно душевными. Какъ первыя носятъ на себѣ отпечатокъ цѣлесообразно образованнаго организма, такъ точно и послѣднія отличаются отъ слѣпой природы своей цѣле-ставляющею дѣятельностью. Эта аналогія даетъ право Снеллю смотрѣть на физическія и психическія явленія, какъ на „эквиваленты внутренней и внѣшней работы“ одной и той-же силы, а не какъ на проявленія двухъ самостоятельныхъ силъ.

Анализъ организма, единство плана въ его строеніи и вообще царящая во всемъ организмѣ гармонія послужили поводомъ для многихъ физіологовъ считать психическія явленія обнаруженіемъ *одной причины*, способностями, или модусами *одной* основной силы.—Принципъ естествознанія таковъ, что *никакая сила не можетъ безъ матеріи существовать*. Такимъ образомъ возникаетъ вопросъ: въ какой-же матеріи скрыта или вмѣщается психическая сила? Признаніе многихъ атомовъ мозга носителями психической силы будетъ противорѣчить признанному единству психической силы и строя организма. Подобныя затрудненія при рѣшеніи даннаго вопроса разрѣшились появленіемъ новой теоріи или гипотезы, развитой *Тотце*—это гипотезы, признающей *одинъ атомъ мозга* носителемъ психической силы, причемъ этотъ матеріальный атомъ, дѣйствуя вмѣстѣ съ другими атомами нервной системы, производитъ психическіе феномены.

Есть еще группа физіологовъ, признающая душу не матеріальнымъ атомомъ, а своего рода *токомъ*, или *особымъ веществомъ*, сроднымъ свѣтовому эфиру, электрическимъ или магнетическимъ жидкостямъ. Къ числу такихъ физіологовъ принадлежатъ: *Вагнеръ* (неоднократно мѣняющій свои взгляды на душу, но въ принципѣ всегда считающій ее чѣмъ-то матеріальнымъ) и *Вирховъ*.

Вагнеръ сравниваетъ душевную субстанцію съ невидимой и невѣсомой жидкостью, которая проявляется вслѣдствіе со-

прикосновенія двухъ разнородныхъ металловъ, между которыми она помѣщается. *Вирховъ*, защищая взглядъ Вагнера, говоритъ: „въ самомъ дѣлѣ трудно отрѣшиться отъ сравненія души съ свѣтовымъ эфиромъ: для примѣра я могу указать на мускулы, которые, кромѣ свойственной имъ функціи сокращенія, освобождаютъ еще теплоту; субстратъ ея нельзя считать интегральной частью мускульнаго вещества,—однако, она съ своей стороны имѣетъ громадное значеніе для самыхъ мышечныхъ функцій".—*Бурмейстеръ* доказываетъ, что „нервная и психическая силы тождественны и что психическія явленія суть только обнаруженія силъ и дѣятельности первовъ". *Шиффъ*,—новѣйшій защитникъ чисто-матеріалистически-механическаго воззрѣнія, отрицаетъ всякое различіе между психическими и нервными силами. Такъ, напр., онъ объясняетъ происхожденіе воли и хотѣнія: „какое-нибудь раздраженіе дѣйствуетъ на сѣтчатую оболочку и извѣстнымъ образомъ возбуждаетъ головной мозгъ; ощущенія, уже бывшія въ мозгу, комбинируются съ этимъ раздраженіемъ и производятъ *вторичный* рефлексъ на зрительный нервъ, въ которомъ является теперь уже другой образъ, независимый отъ перваго; этотъ процессъ можетъ повториться нѣсколько разъ, подѣйствовать на центры другихъ чувствъ, на осязательные органы и, наконецъ, можетъ произвести въ насъ образъ движенія нашего тѣла, а этотъ образъ въ свою очередь—другой, образъ нашего состоянія *послѣ* движенія. Въ томъ случаѣ, когда всѣ эти внутренніе процессы, происходящіе въ нервной системѣ и обусловливающіе другъ друга, взаимно *поддерживаются* и *подкрѣпляются*, производя одно общее ощущеніе, которое отражается, согласно нашему представленію, на *органахъ движенія*,—мы говоримъ, что мы *захотѣли* движенія. Если-же различныя представленія, включая сюда и представленіе движенія, не настолько сильны, чтобы мгновенно отразиться на нервахъ мышцъ, если они кромѣ того ослабляются *позднѣйшими* представленіями, то мы говоримъ, что хотя мы и *хотѣли* движенія, но *рѣшились* оставить его по извѣстнымъ причинамъ. Чѣмъ больше мы узнали самихъ себя, тѣмъ вѣрнѣе можемъ опредѣлить, какія ощущенія должны *прижнуть* къ возбужденному аппарату ощущенія для того, чтобы принудить насъ къ тому или другому отраженному движенію; чѣмъ болѣе съ другой сто-

роны мы узнаёмъ, что *одно и тоже* внѣшнее возбужденіе можетъ вести къ весьма различнымъ результатамъ, смотря по направленію, какое сообщаетъ ему моментальное внутреннее состояніе, и по комбинаціи, въ которую оно должно вступить,—тѣмъ болѣе мы обольщаемся воображаемою *„свободой воли“*. Но и самая *„воля“* есть „только ненаучная и фальшивая абстракція; истинная свобода человѣка состоитъ въ томъ, чтобы отречься отъ нея и принести её въ жертву безусловному подчиненію законамъ нашего внутренняго существа“.— Весь этотъ взглядъ держится на томъ предположеніи, что въ организмѣ есть „мѣсто“, гдѣ встрѣчаются различныя одновременныя впечатлѣнія, слагаются въ извѣстную сумму и что этотъ суммарій можетъ отсюда вліять на различные двигательные нервы тѣла. Это мѣсто — *„нервный центръ“*, въ которомъ разные другіе (подчиненные) нервные центры *„сводятся* къ высшему единству“.—Изъ представленнаго нами очерка взглядовъ матеріалистовъ и физіологовъ на психическую жизнь человѣка видно, что всѣ они считаютъ её продуктомъ тѣлесной жизни человѣка и разнятся между собою только въ опредѣленіи физическаго носителя психической силы.

Такъ, выше было сказано, что еще въ XVIII в. Англійскій физіологъ Толандъ объявилъ, что „мышленіе, какъ и вообще все въ мірѣ ,есть только тѣлесное движеніе, привязанное къ міру матеріи“, что „оно есть чистый продуктъ мозговой дѣятельности“. Эта мысль проведена и у энциклопедистовъ. Основатель сенсуализма — Кондильякъ и женевецъ—Бонне защищаютъ ту-же мысль, причемъ Бонне старается ,объяснить память предположеніемъ, что „она есть остановка движенія различныхъ первыхъ волоконъ“. Баронъ Гольбахъ, врачи: Кабани и Брусее отожествляли мышленіе съ нервнымъ движеніемъ, считая его результатомъ дѣятельности нервной системы. Кабани-же особенно настаивалъ на томъ, что „мысль есть такое-же отдѣленіе мозга, какъ желчь отдѣленіе печени, а моча—почекъ“. Всѣ эти мысли и имъ подобныя основываются на томъ, что такимъ путемъ легче всего объяснить взаимодѣйствіе между тѣломъ и душою.—Насколько состоятельно подобное объясненіе съ логической стороны мы уже высказали раньше, когда говорили, что данныя говорятъ только *о связи* психическихъ явленій съ физическими и что изъ этой связи никоимъ обра-

зомъ пельзя вывести о безусловной зависимости души отъ тѣла, или наоборотъ. Что-же касается того, насколько названные матеріалисты правы въ своихъ утвержденіяхъ съ физіологической точки зрѣнія.—объ этомъ лучше всего говорятъ они-же сами, такъ какъ самые рьяные изъ нихъ пришли къ совершенно противоположнымъ первымъ своимъ убѣжденіямъ результатамъ: такъ напр., Кабани въ своемъ сочиненіи: „О первыхъ причинахъ“ совершенно отказался отъ своихъ крайне-матеріалистическихъ взглядовъ на психическую жизнь человѣка и призналъ душу за *особую* субстанцію, которая лежитъ въ основѣ всѣхъ психическихъ феноменовъ. Врачъ Брусса послѣдовалъ за Кабани и, подчинивъ сперва вполнѣ душу тѣлу въ сочиненіи о сумасшествіи (1828 г.), позже отказался отъ этого возврѣнія и даже вдался въ противоположную крайность, примкнувъ къ идеалистамъ. По слѣдамъ Кабани и Брусса пошли многіе изъ французскихъ физіологовъ, особенно изъ такъ-называемой Парижской школы. Итакъ, утвержденіе матеріалистовъ, будучи противнымъ логическимъ требованіямъ, не устояло и предъ данными опыта, показавшаго только связь, а не безусловную зависимость двухъ родовъ явленій.—Тоже слѣдуетъ сказать и противъ корифеевъ матеріализма въ Германіи: Фейербаха, Молешотта, Фогта (послѣдователи Кабани), Бюхнера, Рейха и др., такъ какъ и они ничего особеннаго въ сущности не высказали, а повторили мысли своихъ предшественниковъ. Только *Кюльбе* является болѣе оригинальнымъ въ сравненіи съ своими предшественниками и современниками. Мы уже видѣли, какъ онъ старался путемъ чисто-физіологическаго анализа объяснить психическія явленія. Для примѣра мы указали какъ онъ объяснялъ образованіе изъ чувственныхъ воспріятій внутреннихъ представленій. Физіологическое объясненіе Кюльбе образованія внутреннихъ представленій изъ чувственныхъ воспріятій слишкомъ туманно, заключаетъ въ себѣ много непонятнаго и лишняго. Неужели достаточно разсмотрѣть двѣ петли, предлагаемыя Кюльбе, чтобы понять, какъ совершается образованіе представленій?!—Прежде всего двѣ петли у Кюльбе являются съ одинаковымъ качествомъ—сознательности, но съ различными результатами: первая—сознательнаго воспріятія, а вторая—представленія. Результатъ второй петли зависитъ отъ безсознательнаго пути, про-

ходимаго сознательнымъ воспріятіемъ къ пункту „*d*“, на каковомъ пути оно получаетъ механическія условія для своего превращенія въ пунктѣ „*d*“ въ представленіе. Почему-же чувственное воспріятіе, нуждаясь только въ сознаніи себя чувствующимъ субъектомъ, чтобы сдѣлаться представленіемъ, не можетъ сдѣлаться таковымъ въ первомъ пунктѣ „*b*“, или въ моментъ перваго сознанія его, и для чего ему совершать еще безсознательный путь отъ „*c*“—до „*E*“, чтобы въ пунктѣ „*d*“ получить то-же сознаніе и здѣсь сдѣлаться представленіемъ?!. Единственное объясненіе этой непонятной тавтологіи у Кюльбе мы находимъ въ его мнѣніи, что на пути отъ „*c*“ до „*E*“ чувственное воспріятіе получаетъ механическія условія для своего превращенія въ пунктѣ „*d*“ въ представленіе. Но что это за механическія условія Кюльбе не опредѣляетъ, а такъ какъ съ другой стороны для образованія изъ чувственныхъ воспріятій внутреннихъ представленій нужно только *сознаніе* чувственныхъ воспріятій, то, очевидно, дальнѣйшій путь чувственнаго воспріятія отъ „*c*“ до „*E*“ лишній, а первый его физіологическій путь отъ „*a*“ до „*b*“, по свидѣтельству самого Кюльбе, не можетъ объяснить актъ превращенія чувственнаго воспріятія въ представленіе. Слѣдовательно, чисто-физіологическимъ путемъ нельзя объяснить процессъ образованія представленій изъ чувственныхъ воспріятій. Нелѣпость подобнаго наглядnаго объясненія, или физіологическаго анализа психическихъ явленій, хорошо оттѣнена Мейеромъ, который говоритъ: „*я не нахожу никакого смысла въ этомъ способѣ наглядnаго объясненія, такъ какъ вообще нельзя говорить о наглядныхъ понятіяхъ вмѣсто разсудочныхъ. Наглядное понятіе для меня есть слово, съ которымъ рѣшительно нельзя соединить никакой мысли*“.—Изъ физіологовъ—матеріалистовъ въ Россіи мы указали на Сѣченова, Соколовскаго и Зеленскаго. По мнѣнію Сѣченова, всякая психическая дѣятельность можетъ быть сведена въ концѣ концовъ на мозговой рефлексъ. Но каждый рефлексъ состоитъ изъ трехъ частей: *а*) возбужденія чувствовательнаго (центростремительнаго) нерва, *б*) состоянія этого нерва и *с*) возбужденія двигательнаго (центробѣжнаго) нерва и вызваннаго имъ движенія соотвѣтствующей мышцы или группы мышцъ. Отсюда всякое душевное явленіе слагается

изъ трехъ частей, которыя Сѣченовъ называетъ: началомъ, срединою и концомъ мозгового рефлекса.

Но рефлексъ, т. е. соединеніе возбужденія чувствительныхъ и двигательныхъ нервныхъ трубокъ, можетъ, по свидѣтельству знаменитаго Вѣнскаго физіолога—Карла Людвига, являться и безъ ощущенія,—отсюда невѣрно положеніе Сѣченова, что всякая психическая дѣятельность можетъ быть сведена на мозговой рефлексъ, или какъ говоритъ Карлъ Людвигъ: „въ силу сказаннаго невѣрно то положеніе, что будто-бы физіологическое соединеніе дѣйствій нервныхъ трубокъ въ головномъ и спинномъ мозгахъ есть условіе ощущенія". Слѣдовательно Сѣченовъ не правъ даже и съ физіологической точки зрѣнія. Что-же касается Соколовскаго и Зеленскаго, особенно послѣдняго, то они проводятъ мысли изъ теоріи чисто-матеріалистически-механической, по которой психическія явленія въ сущности тожественны съ механическими процессами. Самымъ видимъ представителемъ этой теоріи является Шиффъ и съ нимъ мы будемъ имѣть дѣло ниже.

Теперь обратимся къ разбору взглядовъ на психическую жизнь человѣка представителей физіологіи на западѣ. Мы уже сказали, что знаменитый Парижскій физіологъ—*Флуранъ*, и съ нимъ: Лонже, Ляйдесдорфъ, Штрикеръ и Гризингеръ признали большой мозгъ носителемъ психической силы. Вагнеръ признаетъ таковымъ носителемъ психической силы *сѣрое вещество*, находящееся въ обоихъ полушаріяхъ большого мозга между его волокнами и покровами.—Брока а съ нимъ и Вагнеръ подтвердили рядомъ опытовъ ту мысль, что психическія явленія въ своемъ обнаруженіи привязаны къ извѣстной части мозга. Карлъ Людвигъ призналъ нормальное состояніе мозга однимъ изъ главныхъ условій душевныхъ явленій.—Ясно, что всѣ приведенные физіологи считаютъ психическія явленія продуктомъ дѣятельности большого мозга, или какой-либо его части. Только Карлъ Людвигъ нѣсколько ограничиваетъ дѣятельность большого мозга, считая нормальное состояніе его только однимъ изъ главныхъ условій душевныхъ явленій.

Прежде всего мы видимъ, что упомянутые физіологи сами не могутъ прійдти къ соглашенію по вопросу открытія „*сѣдалища души*". Въ то время какъ одни изъ нихъ: Флуранъ

и др. признаютъ носителемъ психической силы *большой мозгъ*.— Вагнеръ цѣлымъ рядомъ опытовъ доказалъ, что, и по снятіи большого мозга, остается масса психическихъ явленій, что свидѣтельствуетъ о независимости ихъ отъ большого мозга. Но матеріалистическія симпатіи у Вагнера были настолько сильны, что онъ не могъ отрѣшиться отъ матеріалистической тенденціи и признать носителемъ психической силы „сѣрое вещество" Насколько вѣрно это положеніе видно и изъ того, что вскорѣ самъ Вагнеръ измѣнилъ ему и примкнулъ къ профессору Вирхову, отстаивая вмѣстѣ съ нимъ гипотезу нервнаго тока. Наконецъ, Карлъ Людвигъ, отдавая дань своимъ матеріалистическимъ симпатіямъ, не могъ признать большой мозгъ единственнымъ носителемъ психической силы, а признавъ нормальное состояніе большого мозга только однимъ изъ главныхъ условій душевныхъ явленій, причемъ навсегда отказался опредѣлить мѣсто въ мозгу, въ которомъ зарождается и откуда вытекаетъ психическая жизнь и отверг всѣ методы, употреблявшіеся до него для опредѣленія „сѣдалища души". Такое разногласіе физіологовъ бросаетъ тѣнь на безпристрастность ихъ изслѣдованій и ихъ утвержденія теряютъ силу истины тѣмъ болѣе, что есть физіологи прямо отрицающіе возможность объяснить психическія явленія дѣятельностью большого мозга, или какого-либо вещества въ организмѣ человѣка. Такъ, напримѣръ *Вахсмутъ* заявляетъ, что „ни одинъ физіологъ не можетъ отрицать существеннаго различія психическихъ явленій отъ другихъ жизненныхъ явленій человѣческаго организма"; что „какимъ образомъ возникаютъ въ душѣ чувствованія и представленія при посредствѣ психическаго органа и что такое они суть—*того мы вовсе не знаемъ*..... мы не можемъ даже подвергнуть демонстративному анализу мозгъ"... „не можемъ даже прослѣдить психическихъ болѣзней въ связи съ разстройствомъ въ питаніи или въ отправленіяхъ мозга". Съ мнѣніемъ Вахсмута согласны видные физіологи: Миллеръ, Вишофъ, Фольькманъ, Бурмейстеръ, Карлъ Людвигъ и Вагнеръ (который, въ силу печальнаго состоянія знанія физіологіей мозга, пришелъ къ отрицанію зависимости психической жизни отъ него, а признавъ носителемъ души „сѣрое вещество", — впослѣдствіи онъ измѣнилъ и этому своему взгляду). Проф. *Фикъ* говоритъ: „пусть думаютъ что угодно

о связи души съ тѣломъ: ощущеніе или воспріятіе во всякомъ случаѣ будетъ процессомъ *нематеріальнымъ*. Если матеріализмъ и говоритъ, что ощущеніе—извѣстное молекулярное движеніе въ мозгу, то онъ можетъ разумѣть только то, что всякое опредѣленное ощущеніе необходимо связано съ извѣстнымъ движеніемъ въ мозгу, или что каждый разъ, какъ въ области матеріальной происходитъ извѣстное движеніе въ такихъ-то и такихъ первыхъ элементахъ, въ области бытія духовнаго является опредѣленное ощущеніе сознающаго субъекта. Механическія изслѣдованія никогда не доказкутъ или не проникнутъ далѣе тѣхъ молекулярныхъ движеній въ центральныхъ частяхъ нервной системы, которыя, по этому воззрѣнію, сами суть только другая сторона ощущенія или воспріятія. Съ психической точки зрѣнія ощущеніе не представляется, подобно молекулярнымъ движеніямъ, которыя служатъ ему основой, феноменомъ весьма сложнымъ, требующимъ объясненія. Оно—актъ простой и служитъ для объясненія высшихъ психическихъ явленій. Такими простыми актами психической жизни являются всѣ ощущенія отдѣльныхъ органовъ чувствъ и они не могутъ быть опредѣлены по своей чрезмѣрной простотѣ и ясности. И съ физіологической стороны нельзя ожидать настоящаго объясненія ощущенія. Положимъ, что молекулярныя движенія, которыя служатъ матеріальной подкладкой различныхъ видоизмѣненій ощущеній, существенно различны между собою; положимъ, что они механикѣ въ точности извѣстны;—все-же никто не подумаетъ, что-бы можно было когда-нибудь показать, почему одна форма движенія вызываетъ душевное состояніе, извѣстное намъ подъ именемъ свѣтоваго ощущенія, а другая—состояніе существенно различнаго характера, именно—звуковое ощущеніе. Очевидно, совершенно немыслимо какое-либо отношеніе между качествомъ ощущенія, даннымъ во внутреннемъ опытѣ, и механическимъ характеромъ какого-либо движенія матеріальныхъ частицъ, будутъ-ли онѣ вѣсомыя, или невѣсомыя и какъ-бы ихъ мы себѣ не представляли. Чѣмъ объяснить различное качество ощущеній, если движенія, служащія, напр., для образованія свѣтового и звукового ощущеній, въ сущности однаковы и тѣмъ-только различаются, что происходятъ въ различныхъ сферахъ центральной нервной системы. Согласно съ этими

данными неврологіи чувствъ знаменитый врачъ—Гризингеръ говоритъ: „изъ организаціи мозга—также нельзя понять и объяснить внутренніе процессы представленія и хотѣнія, какъ и процессы ощущенія“.

Если-же принять во вниманіе, что одни и тѣ-же возбужденныя состоянія нервовъ у людей съ различнымъ образованіемъ порождаютъ ощущеніе самыхъ различныхъ оттѣнковъ; затѣмъ, что у человѣка во снѣ, въ состояніи опьяненія, въ такъ называемыхъ душевныхъ болѣзняхъ являются самыя живыя ощущенія безъ соотвѣтствующихъ нервныхъ возбужденій — это грезы, видѣнія, галлюцинаціи, то можетъ даже показаться, что ощущеніе — нѣчто независимое отъ нервовъ, что для происхожденія его вовсе не необходимо нервное возбужденіе, что нервы даютъ только одинъ изъ возможныхъ поводовъ къ ощущенію, однимъ словомъ они *только возбуждаютъ* его.

Извѣстный физіологъ *Гельмгольцъ* доказалъ, что ощущеніе и нервное раздраженіе—периферическое или центральное — не одно и тоже. Онъ точно изслѣдовалъ, что въ моментъ, когда раздраженіе какого-либо нерва достигаетъ мозга и возбуждаетъ его, у насъ не происходитъ еще *непосредственно* никакого ощущенія. Это даетъ возможность заключать, что данный промежутокъ времени между нервнымъ возбужденіемъ въ мозгу и появленіемъ ощущенія не можетъ быть пустымъ и что въ это-то время и дѣйствуетъ „тайный агентъ“, превращающій нервное раздраженіе въ ощущеніе, — агентъ, называемый нами душою.

Многіе физіологи доказываютъ, что строеніе всѣхъ нервовъ (зрительнаго, свѣтового, слухового и т. д.) одинаково. Это утвержденіе ихъ наводитъ на мысль, что самымъ нервамъ вовсе не присуща какая-нибудь особенная, отличная отъ психической силы, нервная сила, а что напротивъ душа пользуется ими, какъ органами проводящими, частію для того, чтобы посредствомъ ихъ приходить къ сближенію съ различными внѣшними силами (съ самою природою), проводить ихъ воздѣйствіе къ мозгу—центру ихъ дѣятельности и тамъ преобразовывать въ ощущенія; частію-же для того, чтобы посредствомъ ихъ распоряжаться собственнымъ тѣломъ, приводить къ дѣятельности свои силы (психическія)

и именно—намѣренныя движенія переносить отъ мозга къ мускуламъ различныхъ частей тѣла.

Изъ представленнаго разбора взглядовъ физіологовъ на психическую жизнь человѣка видно, что *психическая жизнь не есть простая функція мозга, или какого-либо вещества, а имѣетъ свое собственное начало или бытіе*, независимое отъ нервной системы въ своей жизни, — и что нервныя возбужденія служатъ только поводомъ для возбужденія психической жизни. Мы видимъ, что физіологи, отстаивающіе зависимость психической жизни отъ нервныхъ возбужденій, не только не имѣютъ прочныхъ основаній для своего утвержденія, но и идутъ въ разрѣзъ съ данными самой-же физіологіи, заявившей въ лицѣ многихъ первоклассныхъ физіологовъ о невозможности вывести психическую жизнь человѣка изъ какого-либо мѣста въ его организмѣ.

Теперь перейдемъ къ разбору различныхъ теорій по данному вопросу. Прежде всего обратимся къ теоріи Снелля, сущность которой уже изложена нами и потому въ данномъ случаѣ мы скажемъ нѣсколько словъ только о ея несостоятельности.—Смотря на физическія и психическія дѣятельности, какъ на эквиваленты внутренней и внѣшней работы, данная теорія слишкомъ явно противорѣчитъ фактамъ. Можно согласиться, что „я не могу ясно мыслить, когда бѣгу изо всѣхъ силъ, когда вообще въ высшей степени напряжена мышечная дѣятельность“, но заключать отсюда, какъ дѣлаетъ Снелль, что мышечная дѣятельность — *эквивалентъ* мыслительной дѣятельности, или что *одна и та-же* сила проявляется внѣшнимъ образомъ — въ мышечной дѣятельности, а внутреннимъ—въ мышленіи, и что поэтому, будучи занята одною дѣятельностью, она не можетъ выполнять въ то-же время и другую, — отнюдь нельзя. Многіе мыслители увѣряютъ, что только во время прогулки, или безцѣльнаго движенія они сильно сосредоточиваются на одномъ предметѣ и достигаютъ желаемыхъ умственныхъ результатовъ. Съ точки зрѣнія Снелля каменьщикъ никогда не вытесалъ-бы камня для опредѣленной цѣли, если-бы онъ во время работы не сознавалъ ея цѣли. Эти и масса подобныхъ фактовъ исключаютъ всякую аналогію съ такъ называемой „эквиваленціей силъ“. Ясно, что для различныхъ

психическихъ и физическихъ процессовъ существуютъ *различные органы*, изъ которыхъ ни одинъ не можетъ замѣнить другого, выполняя каждый *свою* работу.

Извѣстный врачъ Гризингеръ съ физіологической точки зрѣнія высказывается прямо противъ Снелля, когда указываетъ *различные* нервы для образованія трехъ главныхъ,— элементарныхъ функцій души: ощущенія, воспріятія и представленія. Слѣдовательно, ни съ точки зрѣнія психолога, ни съ точки зрѣнія физіолога о такъ называемой „эквиваленціи силъ" въ примѣненіи къ психическимъ процессамъ не можетъ и рѣчи, такъ какъ подобная аналогія идетъ въ разрѣзъ съ фактами.

За теоріей Снелля идетъ теорія или гипотеза Лотце, по которой носителемъ психической силы является *одинъ* какой-нибудь отдѣльный атомъ мозга.

Данная гипотеза, какъ и теорія Снелля, противорѣчитъ физіологическимъ фактамъ. До сихъ поръ физіологія не можетъ указать такого пункта въ мозгу, гдѣ-бы различныя нервныя раздраженія встрѣчались между собою и производили-бы ощущеніе. Если-же нѣтъ одного пункта въ мозгу, какъ средоточія всѣхъ нервныхъ раздраженій, то гипотеза Лотце является чисто-апріорной и съ физіологической точки зрѣнія, по меньшей мѣрѣ, преждевременной, а то и прямо противорѣчащей данымъ физіологіи. Далѣе, если-бы упоминаемый матеріальный атомъ, носитель психической силы, былъ, то по самому существу своему, какъ матерія, не могъ-бы ускользнуть отъ ножа физіологовъ и въ случаѣ его поврежденія или удаленія вся психическая жизнь должна была-бы внезапно прекратиться. Но такого пункта физіологія еще не нашла. Напротивъ, мы видѣли, что, по снятіи всего большого мозга, а не только какой-либо части его, остается еще масса психическихъ явленій. Это дало поводъ многимъ физіологамъ или совсѣмъ не признать большого мозга носителемъ психической силы (Вагнеръ), или низвести его въ рядъ лишь главныхъ условій для возникновенія психическихъ явленій. Слѣдовательно, участь теоріи Снелля и Лотце, какъ противорѣчащихъ физіологическимъ фактамъ, одинакова: обѣ равно несостоятельны.

Теперь перейдемъ къ гипотезѣ нервнаго тока, развитой Вагнеромъ и Вирховымъ. Эти физіологи и ихъ единомы-

плѣнники считаютъ душу своего рода токомъ, или особымъ веществомъ, сроднымъ свѣтовому эфиру, электричеству, магнетическимъ жидкостямъ. Противъ этого взгляда на душу можно сказать то-же, что и вообще противъ матеріалистовъ, признающихъ носителемъ психической силы мозгъ. Вѣдь въ сущности дѣло не измѣнилось, а произошла только замѣна одной матеріи другою. Добавимъ еще: каждая матерія, говоритъ естествознаніе, состоитъ изъ множества атомовъ, слѣдовательно, и новые, указанные данными физіологами, носители психической силы въ сущности представляютъ соединеніе многихъ матеріальныхъ атомовъ. Такому-же взгляду на душу противорѣчитъ фактъ *единаго сознанія*, единичнаго ощущенія и воспріятія, такъ какъ если-бы душа была однимъ изъ названныхъ веществъ, то каждое ощущеніе, воспріятіе и пр. должно было-бы являться въ ней во множественной формѣ, соотвѣтствующей множеству заключающихся въ ней атомовъ. Этого вывода нельзя избѣжать и тогда, если предположить, что множество сходныхъ ощущеній, принадлежащихъ сходнымъ между собою атомамъ душевной жидкости, сплачиваются въ сознаніи въ одно ощущеніе, подобно тому какъ, не смотря на двойственность образовъ, отражающихся въ обоихъ глазахъ, мы видимъ единичное. Сходныя и одновременныя ощущенія, выходящія отъ одного и того-же предмета, *сами въ себѣ* множественны и раздѣльны.

Слѣдовательно, *само сознаніе*—едино и тожественно, иначе указанное соединеніе и слитіе невозможно. Недоставало-бы того объединительнаго пункта, въ которомъ сходятся и заодно воспринимаются ощущенія. Они необходимо оставались-бы множественными, потому что воспринимались-бы и сознавались-бы многими атомами именно въ этой множественной формѣ.

Бурмейстеръ въ своихъ взглядахъ примыкаетъ къ даннымъ физіологамъ и ничего новаго не сказалъ.

Остается сказать нѣсколько словъ о самомъ видномъ защитникѣ чисто-матеріалистическаго воззрѣнія на душу—Шиффѣ. Онъ отвергаетъ различіе между силами физическими и психическими, подчиняя послѣднія первымъ. Не говоря уже о томъ, что всѣ факты Шиффа не суть факты съ физіологической точки зрѣнія, даже основа его воззрѣнія—„*мѣсто*“, гдѣ „соединяются въ одну сумму различныя

одновременно-дѣйствующія впечатлѣнія",—было-бы возможно только въ томъ случаѣ, если-бы они *всѣ встрѣчались* на одномъ пунктѣ,—но такого нервнаго центра физіологія не знаетъ и онъ есть пустая фикція. Такимъ образомъ все воззрѣніе Шиффа, какъ опирающееся на мнимый фундаментъ, ложно.

Такова несостоятельность возраженій матеріалистовъ противъ субстанціальности души.

И. Айвазовъ.

Имѣются въ продажѣ слѣдующія сочиненія И. Г. Айвазова

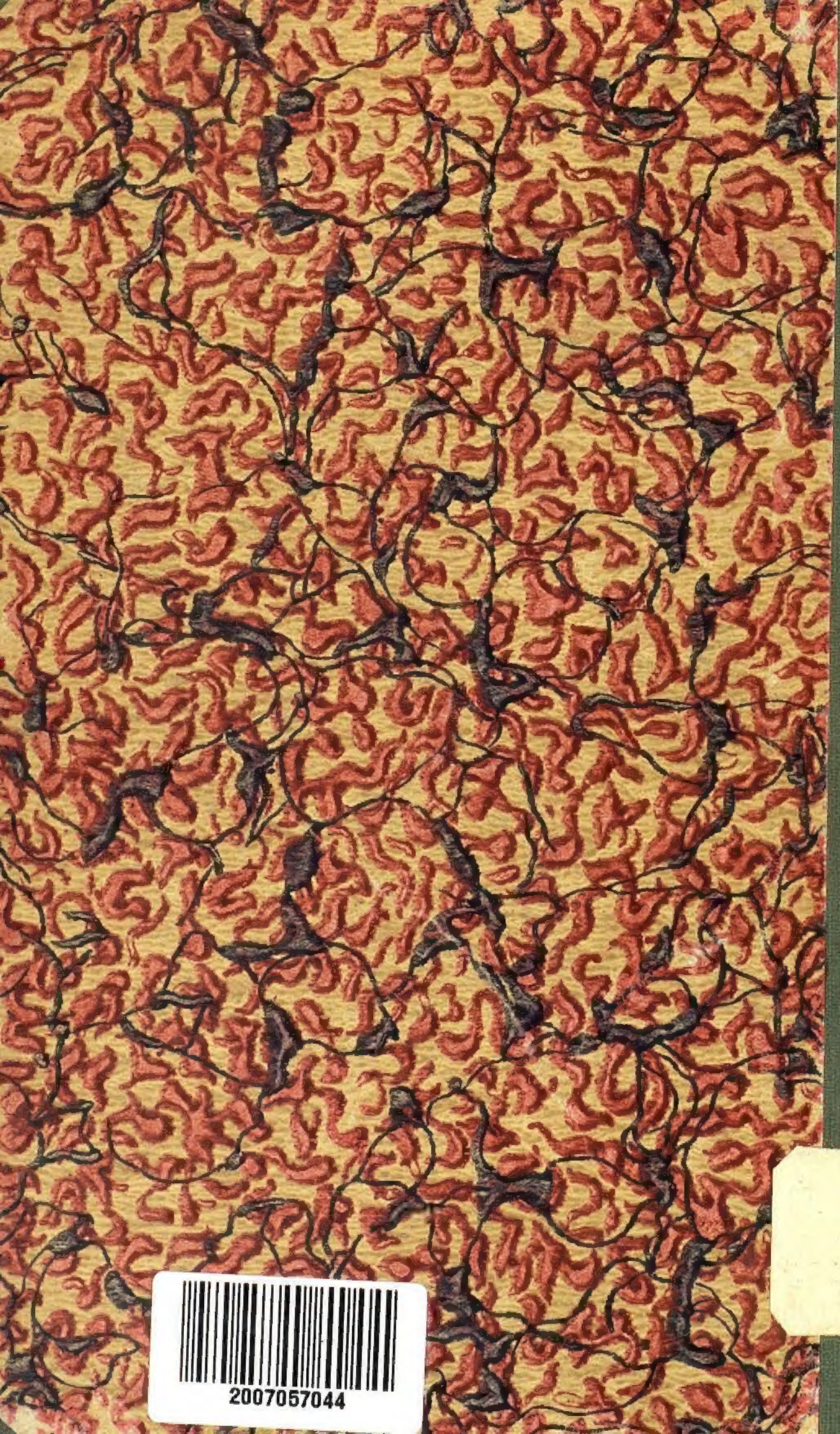
(Москва. Б. Тверская-Ямская 28. кв. 7. Телеф. 172-76).

1. Новая вѣроисповѣдная система Русскаго Государства. Изд. 2-е. Ц. 20 к. съ перес. 25 к.
2. Религіозная правда Русскаго Самодержавія. Изд. 3 е. Ц. 20 к. съ пер. 25 к.
3. Всемірная Задача Христіанства. Христіанское Самодержавіе. Изд. 2-е. Ц. 25 к. съ пер. 30 к.
4. Къ вопросу о смертной казни. Изд. 3-е. Ц. 25 съ пер. 30 к.
5. Христіанская Церковь и современный соціализмъ. Изд. 3-е. Ц. 20 к. съ пер. 25 к.
6. Программа для преподаванія свѣдѣній по обличенію соціализма. Изд. 2-е. Ц. 15 к. съ пер. 20 к.
7. Кто такой Л. Толстой. Изд. 6-е. Ц. 5 к. съ пер. 10 к.
8. Религіозное обновленіе нашихъ дней. Изд. 3-е. Ц. 30 к. съ пер. 35 к.
9. Проблема свободы въ философіи Канта. Ц. 20 к. съ пер. 25 к.
10. Критическій обзоръ матеріалистическихъ теорій противъ субстанціальности души. Ц. 25 съ пер. 30 к.
11. Русское сектантство. Изд. 3-е. Ц. 30 к. съ пер. 35 к.
12. Миссіонерская полемика. Изд. 3-е. Ц. 20 к. съ пер. 25 к.
13. Внутренняя миссія въ Тамбовской епархіи. Ц. 35 к. съ пер, 40 к.
14. Бесѣда съ сектантами о субботѣ и воскресномъ днѣ. Изд 4-е. Ц. 30 к. съ пер. 35 к.
15. Орловскій миссіонер. съѣздъ, въ связи съ вопросомъ о свободѣ совѣсти. Ц. 75 к. съ пер. 85 к. 1 руб.
16. Обновленцы и староцерковники. Ц. 75 к. съ пер. 1 руб.
17. Великій штурмъ церкви. Ц. 25 к. съ пер 30 к.
18. Къ диссертаціи Д. Коновалова: „Религіозный экстазъ въ русскомъ мистическомъ сектантствѣ". Ц. 40 к. съ пер. 45 к.
19. Власть и положеніе римскаго епископа въ Церкви по св. Василію Великому. Изд. 2-е. Ц. 25 к. съ пер. 30 к.
20. Къ думскому законопроекту о „старообрядческихъ" общинахъ. Ц. 15 к. съ пер. 20 к.
21. Храмъ Божій. Изд. 3-е. Ц. 5 к. съ пер. 7 к.
22. Не пожелай чужаго. Изд. 3-е. Ц. 1 к.
23. Къ свободѣ. Изд 3-е. Ц. 1 к.
24. Къ Солдатамъ. Изд. 3-е. Ц. 1 к.
25. Обличеніе русскихъ сектантовъ. Изд. 2-е. Ц. 3 к.
26. О Словѣ Божіемъ или объ источникахъ христіанскаго вѣроученія. Изд. 2 е. Ц. 3 к.
27. Бесѣда съ сектантами о Св. Писаніи и Св. Преданіи. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
28. Бесѣда съ сектантами о Крестѣ Христовомъ. Изд. 2-е. Ц. 3 к.
29. Бесѣда съ сектантами о Таин. св. Причащенія. Изд. 2-е. Ц. 5 к
30. Бесѣда съ сектантами о водномъ крещеніи. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
31. Бесѣда съ сектантами о водномъ крещеніи. Изд. 2-е. Ц. 21 к.
32. Откуда въ Церкви Христовой разныя секты и Бесѣды съ сектантами о крещеніи, причащ. и храмѣ. Изд. 2-е. Ц. 5 к.
33. Бесѣда съ сектантами о крещеніи младенцевъ. Изд. 2-е. Ц. 3 к
34. Бесѣда съ сектантами о крещеніи младенцевъ и о св. причащеніи. изд. 2-е. Ц. 5 к.
35. Бесѣда съ хлыстами объ Іисусѣ Христѣ. Изд. 2-е. Ц. 2 к.
36. Московскіе сектанты. Изд. 2-е. Ц. 2 к.
37. Московскіе братцы. Изд. 3-е. Ц. 10 к.

Подъ редакціею Архимандрита Арсенія и И. Г. Айвазова издается журналъ:

„Голосъ Церкви".

Подписная цѣна 4 руб. За полгода 2 руб. Деньги адресовать: *„Москва. Кремль. Чудовъ Монастырь"*,—въ редакцію журнала: „Гол. Церкви".



2007057044